

Научная статья

<https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-88-94>

EDN: <https://elibrary.ru/tcbyaz>

СОБОЛЕВ АНТОН ВАЛЕНТИНОВИЧ

кандидат юридических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(Москва, Россия)

sobolevanton@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены связанные с цифровизацией уголовного процесса теоретико-правовые доктринальные гипотезы. Определено значение их научного осмысления в качестве будущей основы для правотворческой деятельности. Путём применения метода систематического исследования произведена классификация научных предложений по наиболее ёмкому, с содержательной точки зрения, признаку преобразования уголовно-процессуальной формы, связанному с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Классификация позволила разделить теоретические проекты на три группы. В первую включены научные гипотезы о таких правовых реформах, которые, хотя и связаны с уголовным судопроизводством, но выходят за пределы предмета уголовно-процессуального права. Проекты, предполагающие изменение уголовно-процессуальной формы, разделены по отмеченному признаку и включены в группы, названные радикальными и реформаторскими теоретико-правовыми гипотезами. Они проанализированы с позиции их соответствия некоторым принципам уголовного судопроизводства, имеющим конституционно-правовую природу. Сделан вывод о том, что реализация предложений радикального характера противоречит нормам Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовая гипотеза, реформа уголовного судопроизводства, субъекты уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальные правоотношения, уголовно-процессуальная форма, уголовный процесс, цифровизация

Для цитирования: Соболев А. В. Теоретико-правовые гипотезы о цифровизации уголовного процесса как основа для правотворческой деятельности // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 88–94; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-88-94>.

SOBOLEV ANTON V.

phd of law

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

THEORETICAL AND LEGAL HYPOTHESES ON THE DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS AS A BASIS FOR LAW-MAKING ACTIVITIES

Abstract. The article discusses theoretical and legal doctrinal hypotheses related to the digitalization of the criminal process. It determines the significance of their scientific understanding as a future basis for law-making activities. By applying the method of systematic research, the article classifies scientific proposals. This classification is based on the most comprehensive criterion from a substantive perspective: the transformation of the criminal procedural form, which involves changes in the content of the elements of criminal procedural relations. The classification allows for the division of theoretical projects into three groups. The first part included scientific hypotheses about such legal reforms that, although related to crimi-

nal proceedings, go beyond the scope of criminal procedural law. The projects that involve changes to the criminal procedural form were divided based on this criterion and included in groups called radical and reformist theoretical and legal hypotheses. They were analyzed from the perspective of their compliance with certain principles of criminal proceedings that have a constitutional-legal nature. It was concluded that the implementation of radical proposals contradicts the norms of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: artificial intelligence, legal hypothesis, reform of criminal proceedings, subjects of criminal procedural activity, criminal procedural legal relations, criminal procedural form, criminal process, digitalization

For citation: Sobolev A. V. Theoretical and legal hypotheses the digitalization of the criminal process as a basis for law-making activities // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (77). P. 88–94; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-88-94>.

Современное общество трудно представить в отрыве от различных цифровых технологий. Нельзя отрицать тот факт, что их разумное использование открывает широкие возможности, в том числе и в сфере социальных отношений. Исключением не стали отношения в области уголовного судопроизводства. На протяжении последних лет наблюдается постепенное дополнение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормами, которые предоставляют участникам судопроизводства возможность использовать различные цифровые решения в определенных случаях, например применять ряд электронных процессуальных документов или производить некоторые процессуальные действия дистанционно. Причем, как правило, всегда есть альтернатива в виде осуществления тех же действий в классическом формате, а выбор того или иного режима зависит от воли участника процесса. Существование данных норм, безусловно, способствует как достижению целей борьбы с преступностью, так и защите частных прав и законных интересов.

Одновременно с протеканием описанных законодательных процессов значительно увеличилось число выдвинутых на доктринальном уровне теоретико-правовых гипотез об использовании цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Наиболее мощным толчком к активизации научных исследований в данном направлении послужило развитие, популяризация и внедрение искусственного интеллекта в сектор государственного управления, а также в сферу экономической деятельности.

В настоящее время наблюдается старт так называемого «периода отрезвления»: ослабления внимания научно-педагогической общественности, а также студенчества в отношении вопросов, связанных с цифровизацией. Об этом свидетельствуют результаты анализа информации, содержащейся в Российской научной

электронной библиотеке «ELibrary.Ru». За период с 2020 по 2024 год количество размещенных на данном портале публикаций, содержащих в наименовании слово «цифровизация» (с учетом склонений), демонстрировало рост с 22 379 до 35 230 позиций. По состоянию на 25 декабря 2025 г. их число составило уже 30 273 публикации.

Причины возникновения тенденции к смещению фокуса научных разработок с этого направления имеют комплексный характер. К ним относятся: проведение большего числа исследований на ранних этапах цифровизации, сужение сектора для научной работы, скоротечность модных течений [13, с. 50–55]. Но основным фактором представляется тот факт, что цифровые технологии, прежде всего искусственный интеллект, не оправдали гиперболизированных представлений отдельных авторов о реальных возможностях их практического применения.

Между тем, несмотря на определенное ослабление интенсивности изучения данных вопросов, количество как уже выдвинутых, так и новых теоретико-правовых гипотез, посвященных цифровизации уголовного судопроизводства, по-прежнему велико. Во-первых, это говорит о том, что на их детальное изучение уйдет продолжительное время. Во-вторых, указывает на наличие потенциала для разумного применения цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности с целью укрепления правопорядка и усиления борьбы с преступностью. В-третьих, позволяет вести речь о тенденции перехода новых научных проектов на прагматический уровень. В совокупности перечисленные факторы свидетельствуют о том, что рассматриваемое научно-исследовательское направление является перспективным, и детерминируют продолжение его разработки.

Переходя от количественных показателей к качественному анализу теоретико-правовых гипотез о применении цифровых

технологий в уголовном процессе, отметим, что они носят разнообразный характер. Если одни авторы определяют лишь вектор возможного использования указанных технологий, то другие формулируют конкретные вариативные предложения.

Например, в юридической литературе, в том числе монографического характера, встречаются предложения о применении традиционных средств только в случае отсутствия доступа к электронным аналогам [2, с. 190–198]; создании усеченной формы расследования при наличии видеозаписи преступления [20, с. 214–229] или закреплении в УПК РФ возможности использования справочно-правовых систем [8, с. 161–166]. Другие ученые, напротив, предлагают предусмотреть в законе возможность ознакомления участников процесса с электронными образами материалов уголовного дела [3, с. 89–94] и полагают, что цифровизация должна касаться сугубо технической стороны уголовного производства [4].

Очевидно, что обобщение теоретико-правовых гипотез о применении цифровых технологий в уголовном процессе является необходимым, поскольку часть высказанных инициатив будет воспринята законодателем и использована в правотворческой деятельности. Как указывает Е. А. Прохорова, «правовая доктрина выступает в качестве материального источника права... Её роль состоит в детерминации и научной проработке конкретных изменений уголовно-процессуального закона, а также в определении общего направления совершенствования законодательства» [14, с. 188–191]. «Теоретические исследования по вопросам уголовного судопроизводства создают своего рода основу для изменения законодательства», – писала И. Б. Михайловская [11, с. 165]. Но сразу разобраться в многообразии имеющихся предложений возможно не всегда. На что же следует опираться при их отборе с целью реализации в законе?

На наш взгляд, не следует начинать с выбора конечного результата, каким бы привлекательным он не казался на первый взгляд. Содержание некоторых гипотез имеет явный упрощенческий характер, например о замене искусственным интеллектом одного из судей при коллегиальном рассмотрении дел [10, с. 169]. Полагаем, что ни это предложение, ни подобные ему новации не учитывают взаимосвязи реформируемых институтов с основами материального и процессуального права либо

отражают их очень поверхностно. Как будет происходить совещание такого состава суда? На какие нравственные категории (по закону это внутреннее убеждение и совесть) искусственный судья должен опираться при формулировке особого мнения? Разве они есть у компьютерной программы? На что опираться при признании наличия смягчающего обстоятельства, не отраженного в соответствующем перечне? Ещё О. С. Иоффе указывал, что «практические предложения могут вноситься только на самой последней, но отнюдь не изначальной стадии соединения науки с практикой. При ином подходе они не столько служат практике, сколько вредят ей» [7, с. 165].

Полагаем, что выбор теоретико-правовой гипотезы должен быть обусловлен прежде всего соответствием реформируемой части законодательства иным, взаимосвязанным с ней действующим нормативным предписаниям. Конечно, выявление такого соответствия требует проведения детального анализа. Но он возможен на более поздних этапах научно-исследовательской разработки конкретного предложения. А первым шагом в данном процессе является классификация имеющихся проектов. Применение этого распространенного метода, во-первых, позволит структурировать разнообразные гипотезы в группы, во-вторых, выявить между ними принципиальные отличия, в-третьих, будет иметь определяющее значение для продолжения теоретических изысканий, став своеобразным фильтром, позволяющим отказаться от тех предложений, которые уже на ранних стадиях их научного осмысления обнаруживают своё несоответствие взаимосвязанным с ними действующим правовым предписаниям.

По нашему мнению, в качестве классифицирующего признака уместно использовать наличие или отсутствие такого преобразования уголовно-процессуальной формы, которое связано с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Полагаем, что этот признак является наиболее ёмким с содержательной точки зрения. Ведь он охватывает взаимосвязанные друг с другом порядок уголовного судопроизводства (форму) и его содержательную часть (отношения). То есть применение данного классифицирующего признака позволяет произвести систематическое исследование данной сферы.

Согласно концепции М. С. Строговича, уголовно-процессуальные отношения представляют собой правоотношения между участниками уголовного судопроизводства и складываются из четырех элементов: субъектов правоотношения, его объекта, прав (правомочий) и обязанностей. Уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности участников процесса, а сама эта деятельность является содержанием уголовно-процессуальных отношений [15, с. 31–34]. Автор учения об уголовно-процессуальной форме В. К. Бобров указывает, что она представляет собой процессуальный порядок осуществления следственных и судебных действий [5, с. 84]. Благодаря процессуальной форме, – отмечает В. К. Бобров, – происходит реализация прав и обязанностей [6, с. 9].

Первая часть теоретико-правовых гипотез о применении цифровых технологий в уголовном процессе не связана ни с изменением уголовно-процессуальной формы, ни с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Например, к ним можно отнести суждения о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе положений об использовании справочно-правовых систем при подборе нормативно-правовых актов. Подобные предложения не будут предметом рассмотрения в данной статье, поскольку они явно выходят за рамки уголовно-процессуального права и, по меткому выражению А. В. Победкина, «связаны с оптимизацией делопроизводства с использованием цифровых технологий и не должны быть предметом внимания процессуалистов» [13, с. 52].

Вторая часть гипотез, хотя и предполагает коррекцию процессуальной формы, но не связана с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Например, предложенное О. В. Химичевой и П. О. Панфиловым расширение возможностей подачи жалоб, заявлений и ходатайств в форме электронного документа, которое, по справедливому мнению данных ученых, не меняет существо имеющихся моделей [19, с. 50].

Примеры подобных нововведений можно увидеть в УПК РФ сегодня. Например, правоотношения, связанные с использованием электронной повестки. Их субъекты – это уполномоченные государственные органы и должностные лица, а также вызван-

ное лицо, у которого возникает обязанность явиться. А объектом является призыв лица для производства процессуальных действий. При сравнении содержания элементов правоотношений, возникающих при использовании электронной повести и её бумажного аналога, выясняется, что они имеют тождественный характер. Отсутствие различия в содержании этих элементов нетрудно заметить при сравнении производства процессуальных действий в обычном и в дистанционном режиме. Как указывает А.И. Халиуллин, «использование таких новых технологий меняет форму, но не содержание традиционных процедур» [17, с. 50]. Новеллы, объединенные данной группой, названы нами реформаторскими теоретико-правовыми гипотезами.

Третья часть анализируемых научных проектов предполагает коррекцию не только формы, но и содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Примером является предложение о замене искусственным интеллектом субъектов процессуальной деятельности [1, с. 24–34]. В результате реформы УПК РФ по предложенному типу изменится не только порядок судопроизводства. Изменения затронут субъектов правоотношений: вместо следователя – компьютерная программа; субъективные права (полномочия) и обязанности – они не могут быть равными человеческим. Аргументируя свои предложения, авторы, как правило, ссылаются на увеличение эффективности и скорости судопроизводства. С лингвистической точки зрения, точнее всего суть предложений, объединенных данной группой, отражает наименование радикальных теоретико-правовых гипотез.

Поскольку выбор научного предложения, отнесенного к той или иной группе, повлечет их дальнейшую научно-исследовательскую разработку, и, вероятно, определит будущий облик уголовного процесса, постольку они нуждаются в более детальном рассмотрении.

Радикальные теоретико-правовые гипотезы подразумевают коррекцию правил собирания, проверки и оценки доказательств, усечение пределов предмета доказывания, замену субъектов уголовно-процессуальной деятельности компьютерными программами, умаление письменного производства в пользу цифрового и проч.

По нашему мнению, подобные предложения несут на себе отпечаток гипертро-

фированных представлений о возможностях цифровых технологий и не учитывают современные технические реалии. Например, искусственный интеллект сегодня не способен заменить следователя или судью во всем многообразии их деятельности, а лишь выполняет отдельные свойственные человеку функции при решении узконаправленных прикладных задач.

Помимо этого, радикальные теоретико-правовые гипотезы не соответствуют принципу свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Ведь установленные им правила требуют оценивать доказательства по внутреннему убеждению и руководствоваться при этом совестью. А компьютерные программы не оперируют этими этическими категориями.

Между тем данный уголовно-процессуальный принцип обеспечивает стабильность, устойчивость процесса, служит залогом защиты прав и законных интересов его участников. А потому имеет тесную связь с назначением уголовного судопроизводства, которое, в свою очередь, имеет конституционно-правовую основу [16, с. 81–87].

Выходит, что объединенные в радикальный подход теоретико-правовые гипотезы решают задачу повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но ставят под угрозу защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Иными словами, за счет укрепления одних принципов судопроизводства происходит выхолащивание других, что представляется недопустимым в силу противоречия этого подхода Конституции Российской Федерации. Как писал А. С. Пиголкин, «принципиальное значение при создании новых юридических норм имеет степень заботы государства о личности... об охране и обеспечении её прав и свобод» [12, с. 203].

Несмотря на изменение уголовно-процессуальной формы, теоретико-правовые гипотезы реформаторского характера, напротив, не предполагают отступления от концептуальных основ уголовного судопроизводства и позволяют сохранить выверенные временем модели процесса. Данные теоретические предложения свободны от негативных эффектов, свойственных более радикальным новациям. При этом признаётся потенциал использования цифровых технологий и поло-

жительные результаты, которые можно достичь с их помощью. Такой подход предусматривает локальные усовершенствования путем включения соответствующих предписаний в систему действующего законодательства.

На первый взгляд, предполагая целью применения цифровых технологий в судопроизводстве экономию сил и средств уголовной юстиции, реформаторские теоретико-правовые гипотезы не так привлекательны, как радикальные. Вместе с тем они разнообразны и затрагивают многие сферы уголовного процесса. Но именно за счет этого их применение позволит достичь существенных результатов и в процессуальной экономии, и, что более важно, в укреплении процессуальных гарантий прав личности, повышении эффективности процессуальной деятельности, обеспечении баланса частных и публичных интересов, усилении борьбы с преступностью.

В контексте нашей работы уместно взглянуть на отечественный опыт реформирования уголовного процесса. Ускорение делопроизводства, освобождение судей, прокуроров и следователей от рутинной работы за счет внедрения новых технологий было отнесено к числу первоочередных мер в Концепции судебной реформы в РСФСР¹. Но ее составители во многом опирались на сохранение концептуальных основ уголовного процесса, выработанных в Российской Империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Описывая УПК РФ, И. Л. Петрухин указывал, что «реформа судопроизводства, закрепленная новым Кодексом, не является радикальной и кардинальной. В нем много нового, но его концептуальные основы близки по духу тем идеалам, которые стали для нас привычными» [9, с. 5].

Так и сегодня нам представляется важным выразить солидарность и согласиться с мнением О. В. Химичевой о том, что «проводить цифровую трансформацию уголовного судопроизводства следует не отступая от базовых положений уголовно-процессуального закона» [18, с. 173], и не допустить того, чтобы внедрение цифровых средств стало не способом достижения тех или иных результатов, а целью уголовного процесса.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Список источников

1. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб.: ИД «Петрополис», 2018.
2. Андреева О. И., Зайцев О. А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455.
3. Арутюнян Д. А., Головкин О. Е. Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94).
4. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023.
5. Бобров В. К. К исследованию процессуальной формы в уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 2.
6. Бобров В. К. Форма советского уголовно-процессуального права: специальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1974.
7. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2020.
8. Караева А. А. Информационные технологии в уголовном процессе России: современное состояние и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 11.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Б. Алексеева, Л. Н. Башкатов, М. В. Боровский [и др.]; отв. ред.: И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012.
10. Кондрашин П. В. Искусственный интеллект и его возможное влияние на состав суда в уголовном процессе // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы II Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. (Москва, Красноярск, 26 февраля 2021 г.). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021.
11. Михайловская И. Б. Трансформация Российского уголовного судопроизводства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1.
12. Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев [и др.]; под общ. ред. А. С. Пиголкина; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во МГТУ, 1997.
13. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
14. Прохорова Е. А. О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104).
15. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
16. Федоров И. З. Конституционные основы принципов уголовного судопроизводства России // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2 (8).
17. Халиуллин А. И. Направления внедрения информационных технологий в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. 2017. № 2.
18. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2.

19. Химичева О. В., Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1.

20. Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1.

Информация об авторе:

Соболев Антон Валентинович,
старший преподаватель кафедры
правового регулирования
экономической деятельности
Юридического факультета

About the author:

Sobolev Anton V.,
senior lecturer at the department
of legal regulation economic activity faculty
of Law

Статья поступила в редакцию 13.01.2026;
одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
*The article was submitted to the editorial office 13.01.2026;
approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.*